

Південного Хартленду означатиме і зростання геополітичного значення Аравії.

Таким чином, у «Демократичних ідеалах і реальності» Г. Маккіндер доводить до логічного завершення свої дещо розмиті міркування часів «Географічної вісі історії» щодо місця Африки у світовому політичному процесі.

Разом з тим, остання частина трилогії залишає більше запитань, ніж відповідей. Провівши декомпозицію своєї попередньої геополітичної моделі, Г. Маккіндер, не завершує побудову її повноцінної альтернативи. Південний Хартленд повністю зникає з нової моделі, стаючи у один ряд із азіатськими мусонними узбережжями, Австралією на Південною Америкою – землями за межами поясу пустель, що охоплює практично всю планету [4].

Майбутнє Південного Хартленду Г. Маккіндер залишає невизначеним, але робить натяк на потенційний зв'язок Африки на Південь від Сахари із Південною Америкою через розташований по обидва боки Атлантики пояс тропічних лісів, які можуть стати новим осередком розвитку людства [4].

Висновок. Концепт Південного Хартленда у самого Г. Маккіндера носить не стільки незавершений характер, скільки не звернутий у майбутнє. Аналізуючи у «Геополітичних ідеалах і реальності» [2] геополітичний баланс сил в межах Світового Острова, він вводить цей концепт для формування повноцінної та завершеної його структури, не маючи наміру заглиблюватися у геополітичну долю описуваного регіону. Причина тому – його стратегічна малозначущість у сучасну Г. Маккіндеру епоху.

Разом з тим, саме виокремлення сутнісних характеристик Південного Хартленду, яке Г. Маккіндер робить через проведення паралелей з Північним Хартлендом, дозволяє виявити родові якості «хартленду» як такого: недоступність внутрішніх територій для морського транспорту та наявність альтернативних шляхів забезпечення мобільності населення. Вказаний концепт має перспективу застосування і в інших регіонах світу, які, знаходячись за межами Світового Острова, залишилися обділеними увагою Г. Маккіндера (наприклад, Південна Америка). Потенційну перспективу мають і дослідження впливу геополітичних змін у Південному Хартленді на світовий політичний процес.

Враховуючи той факт, що біографія Г. Маккіндера досить тісно пов'язана з Україною, було доречним, якби в рік сторіччя видання «Демократичних ідеалів і реальності» і вітчизняна політична наука відзначилася б дослідженнями та публікаціями щодо як зазначених, так і інших геополітичних концептів, запропонованих британським класиком геополітики.

Список використаних джерел

1. Цымбурский В. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Цымбурский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2465>
2. Mackinder H. J. Democratic ideals and reality; a study in the politics of reconstruction / H. J. Mackinder. – Washington, DC: NDU Press, 1942. – 266 p.
3. Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство ЛСТ», 2003. – 731 с.
4. Маккиндер Х. Дж. Круглая Земля и обретение мира (перевод и комментарии Вадима Цымбурского) / Х. Дж. Маккиндер //

Космополис. – №2 (16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=357>

5. Маккиндер Х. Дж. Демократические идеалы и реальность / Х. Дж. Маккиндер // Полис. – 2011. – №2. – С. 134–144.

6. Чуприн Р. «Постколумбова эпоха» Г. Маккіндера з позиції геополітики XXI століття // Наукові праці: науково-методичний журнал. – Вип. 200, Т. 212. Політологія. – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2013. – С. 62–67.

References

1. Tsyimburskiy V. Helford Makinder: trilogiya hartlenda i prizvanie geopolitika / V. Tsyimburskiy [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupu: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2465>

2. Mackinder H. J. Democratic ideals and reality; a study in the politics of reconstruction / H. J. Mackinder. – Washington, DC: NDU Press, 1942. – 266 p.

3. Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. / Sost. K. Korolev. – M.: ООО «Издательство ЛСТ», 2003. – 731 s.

4. Makkinder H. Dzh. Kruglaya Zemlya i obretenie mira (perevod i kommentarii Vadima Tsyimburskogo) / H. Dzh. Makkinder // Kosmopolis. – №2 (16). [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupu: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=357>

5. Makkinder H. Dzh. Demokratische idealy i realnost / H. Dzh. Makkinder // Polis. – 2011. – №2. – S. 134–144.

6. Chuprin R. «Postkolombova epokha» H. Makkindera z pozytsii heopolityky XXI stolittia // Naukovi pratsi: naukovo-metodychnyi zhurnal. – Vyp. 200, T. 212. Politolohiia. – Mykolaiv: Vyd-vo ChDU im. Petra Mohyly, 2013. – S. 62–67.

Chuprin R. V., PhD. in Political Sciences, Docent, Docent of the Department of Political Sciences of Petro Mohyla Black Sea National University (Ukraine, Mykolaiv), amor@sport.com.ua

The Southern Heartland concept in the global geopolitic model composed by H. Mackinder

The author analyzes a little-known concept proposed by British geopolitician H. Mackinder – the concept of the Southern Heartland. The texts of «the trilogy of Heartland» are in focus: «The geographical pivot of history», «Democratic ideals and reality» and «The round world and the winning of the peace». The core features of the concept were determined: inaccessibility to seagoing ships and existence of alternative means of mobility. The author stresses the fact, that existence of the Southern Heartland along with the Northern Heartland with the same core features makes it not just a proper geographical name but also a geopolitical term. Thus this term can be used in the geopolitical researches in different regions of the world. The author proposes to refer to H. Mackinder's geopolitical concepts more actively due to the future anniversary of the first edition of the book «Democratic Ideals and Reality» published in 1919.

Keywords: geopolitics, the Heartland, the Southern Heartland, the Northern Heartland, the World Island.

* * *

УДК 32:304.9

Заруба В. Ю.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, Запорожский национальный университет (Украина, Запорожье), verus1964@mail.ru

Социальное иждивенчество: дестимулирующий эффект социальной политики

Феномен социального иждивенчества – многоплановая проблема, как по причинам возникновения, так и по социально-экономическим последствиям. Социальное иждивенчество может быть детерминировано индуцированными обстоятельствами, а также сознательным выбором человека. Трактуются как отрицательная адаптация в обществе и сознательная жизненная позиция, модель поведения работоспособного человека. Конформным типом поведения, иждивенчество является в социальных условиях патерналистского общества и воспроизводит ориентацию на то, что удовлетворение тех или иных потребностей – сущностная обязанность государственной системы. Осмысление зависимости от социальной помощи стала одним из главных стимулов реформирования социальной политики в развитых странах

мира. Большинство программных изменений социального государства ориентированы на активную помощь – помощь в успешной адаптации и социализации в новых экономических и культурных условиях. Такая социальная политика ориентирует реципиента не получить, а зарабатывать.

Ключевые слова: социальная политика, социальное обеспечение, социальные гарантии, социальное государство, социальное иждивенчество, социальная адаптация, негативная социальная адаптация.

(статья друкується мовою оригіналу)

Онтогенез социальной политики детерминирован проникновением государства в сферу распределения и перераспределения ресурсов, постоянным увеличением бюджетных отчислений на различные социальные программы. Системное закрепление эти функции государства получили в положениях социального государства. Политика такого государства, руководствуясь базисной установкой социальной справедливости, направлена на перераспределение благ для нивелирования большой разницы в доходах, помощь бедным социальным слоям, достижение достойного уровня благосостояния граждан.

Активно вмешиваясь в экономические процессы, современное государство способствует повышению общего уровня потребления и социальной защите населения, но одновременно провоцирует появление иждивенческого поведения и распространение иждивенческих установок. Закономерно актуализируется проблема объема и предела государственной поддержки, эффективности его социальной политики. Уже в конце 70–х годов прошлого века среди негативных оценок социального государства, отмечалось, что патернализм, значительная опека государством своих граждан, кроме позитивных результатов, порождает безынициативность, апатию, нежелание работать, иждивенчество и как крайнюю степень его проявления – социальный паразитизм. Как итог, это приводит к деградации личности и конечном счете, неконкурентоспособности самого социального государства.

Украина сегодня находится в ситуации, которая определяется как кризисная. Это обязывает государство, учитывать последний опыт других стран, их ошибки и успехи, выстраивать свою социальную политику как релевантную тем экономическим, социальным и политическим вызовам которые стоят перед ней.

Цель статьи: проанализировать социальный феномен иждивенчества в контексте социальной политики государства. Определить социальные, психологические, экономические последствия нерелевантных решений социальной поддержки, обеспечения и гарантий со стороны социального государства.

Анализ исследований и публикаций, в которых отражена проблематика статьи. Феномен социального иждивенчества имеет глубокие онтологические корни, причины его появления обусловлены целым комплексом экономических, психологических, социальных, культурных и иных аспектов. Поэтому осмысление столь сложного явления происходило в рамках целой группы самостоятельных наук, а так же в зоне их слияния, что позволило рассматривать эту проблему как сложную и полисемантическую.

Рассмотрение указанной проблемы социального паразитизма или социального потребительства в отечественной научной мысли встречается нечасто. Тем

не менее, тематика социальной адаптации, личностных усилий в жизнеобеспечении, активности в реализации своего потенциала, социального участия была давно в центре исследовательского внимания (Б. Братусь, В. Мошняга, А. Лазурский, В. Тишков, Э. Шостром и др.).

В новейших социально–философских и психологических исследованиях феномен социального иждивенчества анализируется в контексте исследования стратегий жизни (С. Бабенко, Ш. Бюллер, К. Абульханова–Славская, Н. Наумова, Т. Титаренко, Т. Кассер, М. Кухта, Р. Райен, Е. Смирнов, Г. Пехунен, Ю. Резник, И. Шепеленко, Е. Ярема) или копинг–стратегий личности (Т. Черныш, О. Власенко, Р. Лазарус, И. Хоржевская, Е. Ольховик, М. Селигманг, Л. Анциферова, Р. Грановская, И. Никольская). И всего десять лет назад стали появляться работы, посвященные непосредственно проблеме социального иждивенчества или «требующего» поведения (И. Писаренко, М. Левицкая, Д. Малышев).

Экономическое крыло исследователей В. Макаров, А. Елкина, Т. Ефременко [8], Г. Соколова, В. Верховин, Г. Верховод [3] определяют иждивенчество, как один из типов экономического поведения, «как форму экономической активности людей в сфере производства, распределения, обмена и потребления различных благ и услуг, осуществляемых с целью удовлетворения их потребностей и максимизации полезности (вознаграждения)» [16].

Научный дискурс в этом направлении актуализировался, когда появились результаты государственной социальной политики XX века. Государство всеобщего благоденствия, или социальное государство, продемонстрировало ряд парадоксальных проблем, в том числе и проблему социального иждивенства, что было спровоцировано во многом самой же системой социальных выплат и поддержек. В этом направлении работали Г. Эспинг–Андерсен, Э. Гидденс [5], Н. Фрейзер, Л. Гордон [18], Р. Купменс [19], Дж. Мисра [20], Р. Эбелин [17]. Последствия патерналистской социальной политики постсоветского пространства и специфика проявления социального иждивенчества в рамках отдельных государств рассмотрены в работах Т. Сидориной, О. Тимченко [12], О. Радченко, О. Федченко [11], М. Малыхи [9], О. Будник [2], Т. Ефременко [8].

При анализе проблем необеспеченности, денежного дефицита среди широких групп населения и социальной дискриминации довольно часто проводятся параллели с явлением иждивенчества. Зачастую сегодня в исследовании данной проблемы не сосредотачиваются на ее самостоятельности, вместо этого фокусируясь на ее связи с поддержкой государством малоимущих слоев населения.

Во многих странах при распределении пенсий и получении наследства правовое значение приобретает состояние «на иждивении». Наиболее распространенное определение иждивения – это обеспечение средствами существования неработающего человека по причине болезни, пожилого возраста и тому подобное. Из этого понимания можно вывести определение иждивенца – это человек, который состоит на постоянном денежном или материальном снабжении другими лицами или государством. Основной тезис, который

скрывается в этом определении это то, что внешняя помощь для иждивенца является основой нормального существования. В правовом поле иждивенцем считается человек, не имеющий возможности трудоустроиться, как правило, имеющий статус инвалида. Такие люди имеют определенные возможности и права в пенсионном начислении, при выплате некоторых видов пособий, а также в компенсации ущерба, связанного с кончиной кормильца.

С позиции этики, иждивенчество – отрицательное явление, которое выступает базой в формировании соответствующего поведения, черт характера и образа жизни. Иждивенчество определяется, как сознательное желание существовать за чужой счет, получать постоянную помощь, злоупотребляя своим положением при этом, не прилагая никаких усилий к решению проблемы.

Иждивенчество – это мировоззрение человека–эгоиста, который имеет бескомпромиссное убеждение в том, что окружающие люди обязаны помогать и поддерживать его. Это явление часто маскируют под основанную на гуманистических принципах идею благотворительности, безвозмездной помощи и покровительства нуждающимся. Ученые, которые исследуют закономерности поведения, присущие подобным социальным группам, только начинают изучение социального иждивенчества.

Как уже было сказано, иждивенчество как термин имеет негативный оттенок и в сознании широких масс вызывает ассоциации с таким стилем социального поведения, который характерен для лица, пытающегося реализовать свои потребности для полноценного существования в обществе за счет самого общества. В статье рассматривается конечный итог социального иждивенства, спровоцированный «благополучием» в рамках социального государства: отрицательная адаптация в обществе и сознательная жизненная позиция, модель поведения дееспособного и работоспособного человека. Наиболее часто в изучении проблемы социального иждивенства называют две причины подобного поведения: внешние (объективные) и субъективные (внутренние).

Объективные причины: обесценивание авторитета рабочей профессии; противозаконные методы получения государственной поддержки; невысокий уровень зарплаты одновременно с непропорционально возрастающими ценами; мировоззрение общества потребления; упрочнение принципов, способствующих формированию психологии иждивенчества. Субъективные причины проблемы: психология временщика; свыкание с иждивенческим образом жизни [10]. Иностранные исследователи в основном концентрируются на внешних социально–экономических причинах социального иждивенчества: обусловленная небезопасностью культура; «ловушка безработицы»; теория «пространственного несоответствия» и так далее. Отмечается полная зависимость реципиента от благ социального государства, социальных выплат, дотаций, пособий и прочее [10, с. 18].

Социальная политика современных государств, через систему перераспределения, которая направлена на достижение социальной справедливости, по факту, может привести к деформациям социальным,

культурным и экономическим. Достаточные социальные выплаты по безработице (и не только) создают ситуацию, когда чистый денежный доход безработного превышает чистый денежный доход работающего, вследствие чего создается «ловушка безработицы». К экономическим потерям государства добавляется так же покрытие административных издержек на выявление субъектов финансирования и субъектов, имеющих право на получение перераспределяемых доходов, а так же на подтверждение их статуса.

Криминализация социума, другие разрушающие благополучие и целостность общества явления непосредственно связаны с социальным иждивением, ведь мировоззрение преступных групп общества – это настоящее мировоззрение иждивенцев. Для криминальной идеологии характерно восприятие работы как недостойного явления, а жизнь за счет сторонних и государства считается нормальным. Причиной этого могут быть как жизненные сложности, так и сознательный выбор человека. Лицо может стать частью группы социальных иждивенцев и вследствие вторичной криминализации, возникающей из–за неудачного трудоустройства, безрезультатных поисков работы, повышения требований на рынке труда.

В некоторых ситуациях можно вести речь о социальном иждивенчестве как о кардинальной вариации неудачной социальной адаптации. Лицо может впитать в себя некую форму психологической подчиненности и зависимости от предыдущего статуса, в котором он пребывал. Это провоцирует развитие безразличного отношения к жизни, утрату профессиональных умений и личной инициативы [15, с. 22–23].

Социальное иждивенчество чаще рассматривают в контексте борьбы государства с бедностью и социальным расслоением. Комбинация системных государственных программ социальной поддержки и политика государства по борьбе с безработицей и бедностью дают хороший социальный эффект. Некоторые страны, где бедности как таковой нет (например, Швеция), заплатили за это высоким уровнем налогов, формированием густой системы бюрократических государственных организаций с серьезными полномочиями. Другие страны выбрали иной «рецепт», в частности, Маргарет Тэтчер выступала за снижение налогового бремени на частный сектор производства, что привело к стимулированию экономических процессов, а через некоторое время и значительному увеличению бюджета, часть которого «перетекла» к нуждающимся [5].

Большая часть исследований, проведенных в странах Западной и Восточной Европы, указывает на то, что все–таки, общественная оценка социального иждивенчества оказывается негативной, а иждивенческое поведение определяется как девиантное.

Энтони Гидденс отмечает, что основная часть населения Британии уверена в том, что неимущие сами виноваты в своей небезопасности, и с крайним недоверием относятся к живущим «за счет правительственных подачек». То есть, большинство думает, что получающие социальную поддержку при желании могли бы без проблем трудоустроиться, однако это мнение совершенно не соответствует объективной действительности бедности. Так, около четверти людей, которые входят в порог бедности, официально

трудоустроены, однако оплата их работы слишком низка, чтобы выйти за пределы своего минимального денежного состояния. Из-за неправильного заполнения деклараций и важных имущественных документов, непропорционального удержания налогов и прочих неточных методов, ежегодно бюджет государства теряет около 10%. Эти потери являются гораздо большими, чем эффект от обмана при получении социальных выплат. Так, количество необоснованных заявок на социальную поддержку составляет всего 1% от общего количества, несмотря на убежденность людей в обратном, отмечает Гидденс [5]. Большое количество лиц из бедной категории, которые раньше имели лучшую жизненную ситуацию и условия существования, в перспективе желают повышения качества жизни. Но, к сожалению, часто бедность является пожизненным статусом, в особенности для тех, кто долго не может трудоустроиться.

Противники современных институтов социальной помощи говорят о том, что организаторы общественной поддержки формируют не только психологическую, но и денежную зависимость от социальных выплат, от тех самых программ, которые призваны поддержать нуждающихся и помочь им стать самостоятельными. Вместо того, чтобы начать вести полноценную активную жизнь, иждивенцы ожидают социальных выплат и продолжают укоренять свою пассивность.

Постепенно складывается ситуация, когда заявленные высокие выплаты, которые берет на себя социальное государство, оказываются непосильным бременем для бюджета. Такой процесс переживают даже благополучные европейские государства с сильными экономиками Германия, Швеция, Дания, Норвегия и Великобритания.

В 2010–2015 годах в Великобритании произошло масштабное уменьшение объемов социальных выплат и количества тех, кто на эти выплаты претендует. Реформа социального сектора привела к стабилизации финансовой системы, что в свою очередь сэкономило государству ежегодно 7 миллиардов фунтов стерлингов [7, с. 53]. Премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон говорил о важности проведения этих социальных реформ ещё в своих предвыборных выступлениях: «Роль государства в Великобритании достигла таких масштабов, что оно тормозит, а не способствует преодолению бедности и повышению общего уровня жизни населения. Необходимо, чтобы сами индивиды, семьи и общество брали в свои руки контроль над собственной жизнью» [21].

В качестве социальной базы проведенных реформ, была предложена идея «Большого общества» (Big society) – объединение граждан в сетевые содружества с получением ими одинаковых возможностей в принятии решений. Представители этих общественных групп соединялись в профильные сообщества и оказывали услуги, ранее предоставляемые государственными служащими. Государство при этом должно было исполнять объединяющую и курирующую роль, не вторгаясь при этом в жизнь сетевых обществ. Цитата из предвыборного манифеста Консервативной партии 2010 года: «Государство будет способствовать созданию модели общества, в которой каждый взрослый гражданин станет частью активного объединения. Для достижения

этого властные полномочия будут перераспределены в пользу индивидов, семей и сообществ» [21].

На наш взгляд, заслуживают внимания выводы Руд Купманса, профессора социологии и миграционных процессов берлинского Университета Гумбольдта. Прикладные социологические исследования, проведенные им, указывают на то, что «новые реципиенты» социальных выплат – мигранты Скандинавских стран – получая социальные пособия, оказались неспособными к интеграции в общество, не смогли управлять собственной жизнью и участвовать в принятии важных государственных решений. То есть, новоприбывший мигрант зачастую идет по наиболее легкому пути, пути наименьшего сопротивления – жить за счет социальных выплат – отказываясь от адаптации к новым реалиям, получая средства для более менее полноценного существования. Руд Купманс доказывает, что государство с развитой социальной политикой «не обеспечивает стимулы для овладения языком и установления межэтнических контактов» [19, с. 36].

Как следствие, многократно возрастает давление на бюджет, при этом уровень жизни мигрантов в странах, постоянно выплачивающих социальные пособия, держится на более низком уровне, чем в государствах с «жесткой» интеграционной политикой для переселенцев. Потому, что в таких государствах новоприбывшие поставлены в условия экономической заинтересованности в изучении языка и в трудоустройстве. Р. Купманс подводит итог: «... мигранты становятся зависимыми от государства всеобщего благоденствия и в итоге оказываются в социально-экономической и политической изоляции» [19, с. 36]. Великодушие «стран скандинавского чуда» по отношению к мигрантам мешает самореализации самих же мигрантов в новых условиях, затормаживает развитие общества и государства в целом [1, с. 38].

В начале 90-х годов, в тот период, когда плановая экономика уходила в прошлое и появлялась рыночная, в Украине активно формировался слой «новых» социальных иждивенцев. Экономическая либерализация привела к появлению целого комплекса социальных трудностей. Постепенно подверглись пересмотру постулаты общественной жизни: бесплатная медицина, бесплатное образование, гарантированное трудоустройство и отсутствие безработицы. Изменение фундаментальных социальных ориентиров, привели к новым экономическим и моральным условиям общественной среды, среди которых: утрата престижа прежних внутренних регуляторов образа действий, что способствовало упадку морали и законопослушности; высокая социальная неустойчивость, труднопрогнозируемость социальной среды; неясность и неконкретность происходящего; резкое расширение свобод при одновременном притуплении социального внутреннего регулирования. В условиях смены вектора общественного развития в либерально-демократическую сторону, удачи и невезения все больше и больше начинают зависеть от действий, моральных установок и усилий самого человека.

Во время быстрых изменений общественной среды, большая часть населения осознала, что находится не в том психологическом состоянии, чтобы своевременно поменять свои принципы, модель поведения, привычки,

стратегии деятельности. Таким людям было сложно приспособляться к современным общественным явлениям, особенно учитывая тот факт, что несколько поколений украинского населения выросли во время реалий плановой экономики, при жесткой системе общественных и экономических институтов, когда каждому человеку полагался некий социально гарантированный минимум.

Начиная с 2014 года, Украина оказалась в условиях глубокого общественно-политического кризиса и столкнулась с неизвестным ранее феноменом гибридной войны. Традиционные проблемы с которыми пришлось встретиться украинцам, такие как рост цен на товары и услуги, инфляция, ухудшение материального положения и благосостояния большинства населения, были превзойдены трагедиями и бедами, что спровоцированы военными действиями на Востоке Украины. Государственные институты оказались перед необходимостью решения целого ряда проблем, связанных с новой группой реципиентов социальных программ – внутренне перемещенных лиц. Внутренне перемещенные лица – это люди, которые были вынуждены покинуть свое постоянное место жительства, но не покинули территорию (определенную границами) государства. По данным министерства социальной политики Украины на середину 2017 года в стране было официально зарегистрировано более 1,5 млн. таких граждан [4]. Следует отметить, что внутренне перемещенные лица – это категория населения, которая впервые появилась за время существования независимой Украины.

Исследовательское внимание социологов, психологов, экономистов вызывает изменения в экономическом поведении этой социальной категории, специалисты фиксируют появление новых устойчивых моделей экономического поведения [3, с. 163]. Российский экономист В. Верховин, отмечает, что модели социального поведения связаны с реализацией принципа максимизации результатов и минимизации затрат, а также с теми социокультурными институтами и сопутствующими стимуляторами или ограничителями, которые делают возможным или существенно лимитируют рациональное использование различных экономических ресурсов (личностных, технологических, финансовых, информационных и т.д.) [16, с. 324–325]. Таким образом, человек руководствуется принципом максимизации выгоды при минимальных затратах, однако вынужден согласовывать свои интересы с существующей системой общественных норм и ценностей.

Исследуя, социальное поведение граждан в прифронтовых зонах Донбасса, украинский социолог Л. И. Верховод отмечает, «ввиду того, что в Украине достаточно сильны патерналистские установки и уверенность населения, что государство должно всячески помогать своим гражданам, мы в список традиционных типов экономического поведения предлагаем добавить экономическое поведение в сфере социальной защиты» [3]. Оно представлено такими практиками, как получение различных социальных выплат (субсидий, пособий по безработице, пособия вынужденным переселенцам, семьям, принимающих переселенцев и т.д.). Л. И. Верховод отмечает появление новейшего типа поведения – двойное социальное

иждивенчество. Это абсолютно новое явление в нашем обществе, которое хорошо известно жителям прифронтовых зон. Оно предполагает, что человек с оккупированных территорий оформляет различные виды помощи в Украине и в так называемых «республиках». Это яркий пример того, как можно «зарабатывать» на войне рядовым гражданам. Образуются целые схемы оформления такой помощи, на которых наживаются не только те, для кого предназначена эта помощь, но и посредники по обе стороны линии противостояния. Распространение таких практик приводит к изменениям в отношении к жителям оккупированных территорий со стороны жителей прифронтовых украинских зон – от сочувствия до презрения [3, с. 165].

Исследования Центра политических студий и аналитики в рамках масштабного мониторинга обеспечения прав переселенцев, показывают, что преимущественное большинство их так и не смогли приспособиться к новым реалиям. Значительная их часть продолжают искать работу исключительно по специальности, отказываясь от самостоятельного заработка и продолжая «сидеть» на социальных выплатах и гуманитарной помощи [2]. Эксперты Центра предлагают условно делить всю совокупность внутренне перемещенных лиц в Украине на три базовые группы в зависимости от их адаптивных качеств: адаптанты (пытаются полноценно жить в новой социальной среде на новой территории), временные переселенцы (ориентированы на возвращение домой) и иждивенцы. Последняя, третья группа, представлена 50–60% от всего количества. Этот тип переселенцев преследует одну цель – нажиться на своем статусе, максимально получить все возможные помощи и социальные гарантии от государства. Начальный мотив такого поведения – неуверенность в собственных силах и преимущество инстинкта выживания, потом это входит в привычку и становится жизненной стратегией. Руководитель Центра политических студий О. Будник отмечает, что если даже у этих людей остается мотивация к адаптации, она глубоко нейтрализована длительным потреблением социальных выплат [2].

Социальное иждивенчество в активной форме распространено в модульных городах, общежитиях и других социально организованных местах скопления внутренне перемещенных лиц, которые стали объектом внимания целого ряда организаций, оказывающих им помощь.

Вторая группа, «возвращенцев», пребывает в граничном состоянии и с течением времени постепенно пополняет группу иждивенцев. Они живут в ожидании чуда, часто в депрессии, иллюзиях и мечтах вернуться домой. Имеют хронический посттравматический синдром и нуждаются в психологической помощи и стимулировании. Как показало исследование, это люди разного возраста, но преимущественно старше 45 лет. В прошлом часто госслужащие, со средними доходами или ниже среднего, социально не активны, аполитичны. Сейчас они проживают в местах социального жилья – общежитиях, санаториях, гостиницах и модульных городках. Последний тип поселения, компенсирует дороговизну жилья в областном центре, но при таком варианте женщины, как правило, не работают, а мужчины перебиваются временным непостоянными

заработками. Регулярные выплаты от государства, гуманитарная помощь благотворителей покрывают расходы на проживание. Такие переселенцы не могут, а чаще не хотят адаптироваться.

О. Будник делает вывод: «Практика предоставления гуманитарной помощи в других странах показывает, что внутренне перемещенным лицам для их максимальной ассимиляции нужна не «рыбка», а «удочка» для того, чтобы быть в состоянии самостоятельно себя обеспечивать» [2].

И хотя явление иждивенчества неизбежно в любом обществе, социальный эффект от него стал вызывать все большее опасение. Кроме непосильной нагрузки на государственный бюджет, оно провоцирует распространение морали эгоизма, пассивности, апатии и иные деструктивные последствия. На постсоветском пространстве, пережившем беспрецедентный государственный патернализм, количественные методы реакции на социальное иждивенчество (пособия, компенсации, дотации, продуктовые пакеты, работа сети благотворительных фондов) оказываются не столь продуктивны, как качественные: переобучение, переквалификация, психологическая коррекция, помощь в ресоциализации.

Вывод. Таким образом, критика зависимости от социальной помощи стала одним из главных способов пропаганды необходимости реформирования системы социальной политики. Большинство программных изменений социального государства ориентированы на активную помощь – помощь в успешной адаптации и социализации в новых экономических и культурных условиях. Такая социальная политика ориентирует реципиента не получать, а создавать, производить, зарабатывать и содержать себя и свою семью самостоятельно.

Явление социального иждивенчества не есть однозначным. Оно может быть детерминировано как индуцированными обстоятельствами, так и сознательным выбором человека. Бесспорно, что конформным типом поведения, иждивенчество является в социальных условиях патерналистского общества. Социальное иждивенчество непрерывно воспроизводит ориентацию на то, что удовлетворение тех или иных потребностей – сущностная обязанность государственной системы [14, с. 207]. Если рассматривать иждивенчество, как поведение продуманное и преднамеренное, то становится очевидным, что провоцируют его потребительские установки. Аксиологические мотивы социального иждивенчества, направлены на владение, а не на деятельность, которая обуславливает это владение.

Э. Фромм подчеркивает, что личности с непродуктивной (иждивенческой) ориентацией не способны к созиданию, только потребляют созданное другими, паразитируют на чужом труде, мыслях, достижениях. По Э. Фромму, люди с психологией «вымогателя» также убегают от свободы, поскольку свобода связана, прежде всего, с необходимостью принимать решения, брать ответственность на себя. Феномен иждивения присущ, наверное, всем обществам, но прежде всего – тоталитарным, в котором и человек, и государство смотрят друг на друга через призму категории обязанностей, оставляют за собой «права». Тоталитарное общество отбирает у человека право на принятие

решений, а зато человек, отчужденную функцию принятия решений и ответственности, перекладывает на государство и требует от него полного обеспечения своих потребностей [13].

Традиционная система социальной политики пыталась перенести риски с индивида на государство или общество. Безопасность определялась как уменьшение или отсутствие рисков. А риск, между тем, включает в себя также много положительных аспектов. Люди часто вынуждены идти на риск, чтобы улучшить свою жизнь. Кроме того, в среде, которая быстро меняется, очень важно, чтобы индивиды были в состоянии приспособиться к этим изменениям и активно использовать их в собственных интересах. Это правило касается как наемных работников, так и предпринимателей. Креативное отношение к рискам, однако, отнюдь не означает отсутствие безопасности. Осознание того, что когда дела пойдут плохо, всегда можно рассчитывать на помощь, часто может быть предпосылкой готовности людей рисковать. Цель государства при этом, с помощью права, экономических факторов, культивирования системы ценностей, проводить такую социальную политику в рамках которой, возможности для развития социального иждивенчества объективно будут сведены к минимуму.

Zaruba V. Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Zaporozhye National University (Ukraine, Zaporozhye), verus1964@mail.ru

Social dependency: the disincentive effect of social policy

The phenomenon of social dependency is a multifaceted problem, both for reasons of emergence and for social and economic consequences. Social dependency can be determined by induced circumstances, as well as by a person's conscious choice. It is interpreted as a negative adaptation in society and a conscious life position, a model of the behavior of an able-bodied person. Conformal type of behavior, dependency is in the social conditions of the paternalistic society and reproduces the orientation to the fact that satisfaction of certain needs is an essential duty of the state system. Understanding dependence on social assistance has become one of the main incentives for reforming social policy in the developed countries of the world. Most of the program changes of the social state are oriented towards active assistance – assistance in successful adaptation and socialization in new economic and cultural conditions. Such social policy guides the recipient not to receive, but to earn.

Keywords: social policy, social security, social guarantees, social state, social dependency, social adaptation, negative social adaptation.

Zaruba V. Yu., кандидат історичних наук, доцент кафедри політології, Запорізький національний університет (Україна, Запоріжжя), verus1964@mail.ru

Соціальне утриманство: дестимулюючий ефект соціальної політики

Феномен соціального утриманства – багатопланова проблема, як з причин виникнення, так і по соціально-економічним наслідкам. Соціальне утриманство може бути детерміновано індукованими обставинами, а також свідомим вибором людини. Трактуються як негативна адаптація в суспільстві і свідома життєва позиція, модель поведінки працездатної людини. Конформним типом поведінки, утриманство є в соціальних умовах патерналистського суспільства і відтворює орієнтацію на те, що задоволення тих чи інших потреб – сутнісний обов'язок державної системи. Осмислення залежності від соціальної допомоги стала одним з головних стимулів реформування соціальної політики в розвинених країнах світу. Більшість програмних змін соціальної держави орієнтовані на активну допомогу – допомогу в успішній адаптації та соціалізації в нових економічних і культурних умовах. Така соціальна політика орієнтує реципієнта не отримувати, а заробляти.

Ключові слова: соціальна політика, соціальне забезпечення, соціальні гарантії, соціальна держава, соціальне утриманство, соціальна адаптація, негативна соціальна адаптація.

* * *